

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ



Якубов Александр Санджарович

Заслуженный юрист Республики Узбекистан,
доктор юридических наук, профессор



Азим Шухрат

Заместитель начальника Исследовательского института
криминологии Республики Узбекистан,
доктор философии по юридическим наукам

Аннотация. В статье выделен ряд факторов, которые, обуславливают целесообразность включения юридических лиц в уголовно-правовые отношения в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, уголовная политика, концепция, уголовное законодательство.

YURIDIK SHAXS JINOIY-HUQUQIY JAVOBGARLIGINING IJTIMOIIY OMILLARI

Annotatsiya. Ushbu maqolada O'zbekiston Respublikasida yuridik shaxslarni jinoiy-huquqiy munosabatlarga kiritish maqsadga muvofiqligini belgilovchi bir qator omillar ko'rsatilgan.

Kalit so'zlar: jinoiy javobgarlik, yuridik shaxs, jinoiy siyosat, tushuncha, jinoyat qonunchiligi.

SOCIAL FACTORS OF CRIMINAL LIABILITY OF A LEGAL ENTITY

Abstract. The article highlights a number of factors that determine the appropriateness of including legal entities in criminal-legal relations in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: criminal liability, legal entity, criminal policy, concept, criminal legislation.

Для доктрины уголовного права аксиоматично, что любой уголовно-правовой запрет либо предписание должны быть социально обусловлены. Основываясь на этом положении выделим ряд факторов, которые, по нашему мнению, обуславливают целесообразность включения юридических лиц в уголовно-правовые отношения.

Во-первых, размер ущерба, причиняемый в результате преступной деятельности юридического лица, несравним (нередко многократно) с ущербом, наступающим в результате аналогичного преступного поведения лица физического.

Во-вторых, при совершении отдельных категорий преступлений (в сфере экологии, экономики и др.) процессуальная доказуе-

мость виновности конкретного лица практически невозможна либо приближается к нулевой отметке. Поэтому привлечение к ответственности должностных лиц, руководителей либо других физических лиц, представителей определённых юридических лиц, нередко связано с объективным вменением, ибо установить точно, в особенности по преступлениям в сфере экологии, кто конкретно виновен в нарушении природоохранного законодательства, достаточно часто бывает затруднительно. Более того, у конкретного лица не всегда имеется реальная возможность, даже при осведомленности о незаконной, противоправной деятельности предприятия, учреждения, единолично принять решение о ее прекращении. Подтверждением тому является не эффективная применяемость уголовно-правовых норм к выявленным нарушениям природоохранительного законодательства, содержащим признаки какого-либо состава преступления.

Так, например, из всех норм ранее действовавшего УК Республики Узбекистан 1959г., направленных на охрану окружающей природной среды, незначительное фактическое применение имели нормы ответственности за незаконную охоту (ст. 184 УК) и незаконное занятие рыбным или другим водным добывающим промыслом (ст. 185 УК). Что касается таких преступлений, как самовольный захват воды или самовольное производство гидротехнических работ, сброс неочищенных и необезвреженных сточных вод, бесхозяйственное использование земли и нарушение правил применения ядохимикатов, то уголовно-правового реагирования на факты их совершения практически не имелось. Практика применения действующего УК также не продвинулась в позитивном направлении. Ярким примером тому является трагедия Арала – совокупный результат ненадлежащей производственной, сельскохозяйственной и другой деятельности целого ряда юридических лиц центральноазиатского региона.

В-третьих, системно-правовой фактор, обусловленный близостью административного и уголовного права. Несмотря на то, что Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности [1] не рассматривает в качестве субъекта административного правонарушения юридическое лицо, тем не менее административно-правовая ответственность юридических лиц в законодательстве Республики Узбекистан фактически представлена, хотя и недостаточно широко.

Так на основании абз. 4, ч. 1 ст. 10 Закона Республики Узбекистан от 27 декабря 1996 г. №355-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» в случаях нарушения антимонопольного законодательства Государственный антимонопольный орган вправе налагать на хозяйствующие субъекты, органы государственного управления и физические лица штрафы. Причем в статье 18 четко регламентируются не только конкретные нарушения, за которые налагаются штрафы, но и точно определяется, что штрафы возможно налагать на юридические лица. Например, за не предоставление государственному антимонопольному органу информации или предоставление заведомо недостоверных сведений, на органы государственного и хозяйственного управления, органы государственной власти на местах и хозяйствующие субъекты – юридические лица, – от 10 до 20 кратного размера минимальной заработной платы (п. 2 ч. 1 ст. 18) [2].

Близость и взаимосвязь административного и уголовного права общепризнана [3], и грань между административным правонарушением и уголовным преступлением нередко довольно тонка.

В действующем УК 1994 г. продолжают оставаться нормы с административной преюдицией. Так, за вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или средств, не являющихся наркотическими и их аналогами или психотроп-

ными, но влияющих на интеллектуально-волевою деятельность, предусмотрена не только административная (ст. 188 КоАО), но и уголовная ответственность за повторное административно наказуемое вовлечение (ст. 127 УК) [4].

Законодательное построение норм с административной преюдицией обусловлено целесообразностью и «возможностью использования иных, не уголовно-правовых форм принуждения в качестве предварительного условия привлечения к уголовной ответственности» [5]. Более того, за одно и тоже деяние в системе права одновременно предусматривается и административная, и уголовная ответственность, одну из которых следует применять либо от размера ущерба, тяжести последствия, наступившего в результате совершения определенного деяния, либо от количества вещества, находящегося в незаконном обороте. Так, незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ осуществляемые **в малых размерах** (подчеркнуто нами) наказуемо по ст. 56 КоАО, а эти же действия **в небольших размерах** влекут уже применение ч. 1 ст. 276 УК. Нарушение пользования водами и водоемами влечет административную ответственность по статьям 72, 74 или 75 КоАО при условии, что такие нарушения не повлекли тяжкие последствия, наличие которых дает основание для привлечения к уголовной ответственности по ст. 203 УК.

Таким образом, если законодатель допускает административно-правовую ответственность юридических лиц, а граница между административными деликтами и преступлениями весьма «условна» и достаточно динамична, то вполне логично с позиции системности права расширить сферу ответственности юридических лиц и положительно разрешить эту проблему на уровне функционирования уголовно-правовых отношений.

В-четвертых, Конституция Республики Узбекистан впервые закрепила новеллу о приоритете общепризнанных норм международного права. Это определено как в Преамбуле, так и в ст. 17, посвященной внешней политике, где закреплено, что она «...исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов и норм международного права» [6, с.17-18]. Исходя из этого, наш законодатель не может «не замечать», что в последние десятилетия, в практике и теории международного уголовного права четко обозначилась тенденция к признанию даже государств в качестве субъектов ответственности за определенные категории преступлений, не говоря уже об отдельных юридических лицах.

Так, например, в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. провозглашено, что «государства и государственные деятели, которые первыми прибегнут к использованию ядерного оружия, совершат тягчайшее преступление против человечества» [7, с.126; 8, с.161-162]. Более того «Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы еще в 1973 г. рекомендовал парламентам признать юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления» [9, с.298]. Эта рекомендация была одобрена 26-29 апреля 1992 г. в Лаухаммере (Германия) и на международном семинаре, посвященном проблемам уголовной политики в охране природы и окружающей среды [10; 9, с. 293]. Результатом этого семинара явилась подготовка проекта резолюции ООН, представленная Генеральному секретарю ООН [11].

Таким образом, в доктрине международного уголовного права и международно-правовых нормах признается, что субъектами международных преступлений и, сле-

довательно, субъектами ответственности за них могут выступать наряду с физическими лицами и сами государства [7, с. 71-72].

Современному уголовному законодательству Узбекистана, равно как и доктрине уголовного права присуща тенденция достаточно пристального внимания к **конвенционным уголовно-правовым нормам**, которые становятся составной, неотъемлемой частью УК Узбекистана в силу обязательств, добровольно принимаемых Республикой Узбекистан, как самостоятельного субъекта международного права, содержащихся в международно-правовых документах, конвенциях, участником которых является наше государство. К числу таких норм относятся нормы об ответственности за экологические преступления, нормы, предусматривающие ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, отдельные виды преступлений в сфере экономики, общественной безопасности и общественного порядка и др. В этой связи актуализируется проблема выполнимости, реализации обязательств и рекомендаций, закрепленных в международно-правовых договорах, участником которых является Узбекистан, в том числе и в части положительного решения вопроса об установлении уголовной ответственности юридических лиц на уровне национального законодательства.

В-пятых, важным фактором является факт отсутствия должного внимания со стороны уполномоченных органов к нарушениям, допускаемым юридическими лицами в силу их законодательной оценки как “незначительные” по характеру и степени общественной опасности, поскольку выявлением деяний, не отнесенных к категории преступлений, практически никто не занимается, а при фактическом установлении нарушений уголовно-правового запрета ответственности подвергаются отдельные должностные лица, что не всегда эффективно, ибо, собственно причины и условия их делин-

квентного поведения, как правило лежащее в основе деятельности юридического лица, не устраняются.

В-шестых, оппоненты установления уголовной ответственности юридических лиц выдвигают несколько аргументов, в числе которых ведущее место занимает довод о том, что и гражданское законодательство предусматривает возможность к юридическому лицу – правонарушителю применение различных мер реагирования, вплоть до его ликвидации.

Действительно, гражданское законодательство предусматривает ликвидацию юридического лица. Так, если субъект хозяйствования – юридическое лицо – не способно удовлетворить требования кредиторов по оплате товаров (работ, услуг), включая неспособность обеспечить обязательные платежи в бюджет и внебюджетные фонды, в связи с превышением обязательств должника над его имуществом, оно может быть в принудительном порядке, на основании решения экономического суда, признано банкротом в целях удовлетворения претензий кредиторов. В действующем законодательстве предусматриваются и другие основания ликвидации и прекращения деятельности юридических лиц в гражданско-правовом порядке.

Однако при всей внешней убедительности этого довода не учитывается то, что подобная ликвидация в силу того, что гражданское право регулирует имущественные отношения, связана в первую очередь и только с комплексом мер имущественного характера, направленных на удовлетворение требований кредиторов, обеспечение расчетов с лицами, работающим по трудовым договорам и т.п., а поэтому не обладает тем целевым содержанием, которое специфично только уголовно-правовым мерам. Применение гражданско-правовых мер не влечет никаких, кроме имущественных, правовых последствий и в этой связи обладает незначительным обще-

предупредительным потенциалом. Указанная позиция абстрагируется и от того очевидного факта, что индивидуальная ответственность, например, за экологические преступления, малоэффективна и применяется крайне редко [12]. Более того, штрафные санкции и другие меры, применяемые в отношении юридического лица в порядке гражданской ответственности, оцениваются и общественным мнением как недостаточно эффективные [13].

Обозначенные выше, и не только нами, факторы позволяют утверждать, что имеющиеся в настоящее время в законодательстве Узбекистана правовые меры борьбы с нарушениями, допускаемыми юридическими лицами, малоэффективны и недостаточны. Представляется, что сложившееся положение обусловлено продолжающимися еще оставаться подходами к решению этого вопроса, присущим плановой экономике, не учитывает современную экономическую ситуацию рынка, перехода к частной и корпоративной собственности. Оставление за юридическими лицами своеобразного «иммунитета» от уголовной ответственности в случае проявления ими группового коллективного эгоизма в ущерб общественным интересам, игнорирование интересов и прав потребителей при произволе производителей – монополистов представляется нецелесообразным в условиях формирования не просто рыночной экономики, а экономики социально ориентированной, что, по словам Президента Мирзиёева Ш.М., является одной из центральных задач современного развития нашего государства [14]. Это дезорганизует и девальвирует свободную конкуренцию, причиняет иногда невосполнимый ущерб природной среде, поскольку многие производственные предприятия, учреждения и организации являются источниками повышенной опасности.

В этом контексте интересен еще один аргумент, который был высказан в прессе председателем Следственного комитета РФ

А. Бастрыкиным о том, что привлечение к уголовной ответственности юридических лиц необходимо для ареста счетов иностранных организаций, на которые поступают денежные средства, добытые преступным путем, поскольку при существовании физической субъектности, на любой запрос о правовой помощи (наложение ареста на имущество) последует отказ именно в силу отсутствия законодательного урегулирования уголовной ответственности юридического лица [15].

Таким образом, фактор малоэффективности и недостаточности действующих правовых норм в борьбе с нарушениями, допускаемыми юридическими лицами, хотя и отмечен нами в числе последних, но по своей значимости занимает ведущее место при решении спора о возможности установления уголовной ответственности юридических лиц.

Нельзя обойти вниманием и другой довод оппонентов установления уголовной ответственности юридических лиц. Его суть состоит в том, что положительное решение этого вопроса, по их мнению, без сомнения будет противоречить принципам уголовного права личной ответственности, справедливости, вступает с ними в противоречие и нарушает их. Полагаем, что такое утверждение не совсем корректно применительно к нашему законодательству. Если сослаться на принципы «личной ответственности», то следует, во-первых, вспомнить, что этот принцип был сформулирован представителями классической школы европейского уголовного права в середине XIX века и относится непосредственно только к физическим лицам, и, во-вторых, в уголовном законодательстве Узбекистана 1994 г. этот принцип не предусмотрен. Не предусмотрен он и в опубликованном проекте нового УК для обсуждения.

Идея личной ответственности появилась в период французской буржуазной революции и была выдвинута Ж.П. Маратом, писавшим: «Жестоко подвергать невинных

бесчестью, которому подлежат лишь злодеи: всякое бесчестящее наказание должно, следовательно, быть личным» [16]. Но наиболее остро эта проблема встала в уголовно-правовой науке при разработке концепции учения о соучастии. Наряду с «господствующей доктриной» и ее разновидностями в тот период «пробивали» себе путь, по выражению И.Я. Хейфица, и «теория уничтожения соучастия» (*de la coplicité de l'its distincts*), и «средние теории» [17]. В этом споре «одержали победу» представители классической школы уголовного права детерминистской направленности, воззрения и взгляды которых были положены в основу законодательства о соучастии «социалистического периода»¹. Несмотря на это развитие учения о соучастии обусловило то, что современное научное представление об этом уголовно-правовом институте в различных правовых системах постепенно вобрало в себя отдельные элементы существовавших ранее доктрин о соучастии, в которых принцип личной ответственности нередко сочетается с принципом акцессорности, не проявляющимся, правда, в «чистом», изначально своем виде. В этом не трудно убедиться при детальном анализе положений отмеченных выше доктрин, что не является нашей задачей в этой статье.

В силу того, что в УК 1994 г. наличествуют элементы акцессорности в нормах о соучастии, законодатель не предусмотрел и принцип личной ответственности, имеющий в уголовном праве как минимум три аспекта, в число которых входит и следующий: «преступлением признается акт поведения, совершенный конкретным физическим лицом, индивидом, а не коллективом или иной социальной общностью» [18]. Вместе с тем из этого ни в коей мере не вытекает, что

узбекистанский законодатель отверг индивидуализацию ответственности. Следовательно, в этой части нет никаких правовых препятствий для реализации концепции уголовной ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве Узбекистана.

Относительно принципа справедливой ответственности утверждается, что положительное решение вопроса об уголовной ответственности юридических лиц приведет к безнаказанности конкретных должностных лиц, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 8 УК никто не может дважды нести ответственность за одно и то же преступление. Полагая, что этот довод несколько надуман. Привлечение к уголовной ответственности юридического лица ни в коей мере не исключает ответственности конкретных физических лиц. В таких случаях имеет место и, впервые может появиться в доктрине, своеобразная разновидность соучастия физических и юридических лиц.

Впервые на это было обращено внимание в международном уголовном праве, где допускается два сопутствующих друг другу типа ответственности, которые лежат в основе принятого в 1954 г. Комиссией международного права проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [7, с. 61]. В вступном комментарии к статьям об ответственности государств Комиссия международного права на своей двадцать восьмой сессии в 1976 г. отметила, что «наказание руководителей государственного аппарата, которые развязали агрессивную войну или осуществили геноцид, не освобождает тем самым само государство от его собственной международной ответственности за такое деяние» [7, с. 60-61]. Данное решение достаточно принципиально и может послужить основой

¹ Исключение составляют 30-е годы XX в., когда теория уголовного права была поставлена на службу обоснования «законности», осуществляющихся в тот период репрессий. См.: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М. 1949. – С. 110-119; Он же. Речь государственного обвинителя – Прокурора Союза ССР тов. Вышинского А.Я. на процессе антисоветского «право – троцкистского блока». – М., 1938. – С. 59-61.

решения вопроса ответственности соучастников: физических и юридических лиц. О какой-либо «двойной» ответственности не может быть и речи поскольку каждый из соучастников ответственен за им содеянное.

Изложенное, представляется, дает основание для положительного решения проблемы об установлении ответственности юридических лиц и потребует несколько иначе взглянуть на отдельные уголовно-правовые институты и внести ряд корректив в уголовное законодательство. Каким образом это осуществить? Имеется два возможных варианта. С учетом того, что в уголовном законодательстве Республики Узбекистан появится новый субъект, к которому неприменимы признаки, необходимые для привлечения к уголовной ответственности предус-

мотренного законом субъекта – физического лица, необходимо иначе сформулировать целый ряд положений от оснований уголовной ответственности до мер наказаний и иных правовых последствий, что наводит на мысль о целесообразности формирования самостоятельного раздела Общей части УК. Однако представляется более предпочтительным иное решение, состоящее в том, что вполне возможно, выдержав уже имеющуюся структуру Кодекса, дополнить соответствующие статьи необходимыми положениями, относящимися к юридическим лицам. Этим проблемам будет посвящена следующая статья, в которой будет представлен авторский взгляд на механизм правовой регламентации уголовной ответственности юридических лиц.

Использованные источники

1. Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан, 1995, №3 (1227).
2. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 1997, №2, ст. 54.
3. Взаимосвязь уголовного и административного права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел. – М., 1990. – 92с.
4. Азим Шухрат Обид угли. Уголовно-правовые меры борьбы с вовлечением несовершеннолетнего в антисоциальное поведение: Автореф. дисс. докт. философии (PhD). – Ташкент, 2020. – 48с.
5. Злобин Г.А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия в уголовном праве. – М., 1978. – С. 118.
6. Конституция Республики Узбекистан. – Т., 1994. – С. 17-18.
7. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983. – С. 126;
8. Решетов Ю.А. Нюрнбергский процесс и международное уголовное право. Нюрнбергский процесс и современность. – М., 1986. – С. 161-162.
9. Преступление и наказание: Комментарий к проекту Уголовного кодекса России // Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и проф. А.В. Наумова. – 1993. – С. 298.
10. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи. – 1994. – С. 51.
11. HEVNI newsletter, 1993. June. – P.4.
12. Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. – М., 1988. - С. 74-80; Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды. – М., 1985. – С. 115-118; и др.
13. Устинов В.С. Отклики на проект опубликованного УК Российской Федерации // Государство и право, 1992. №6. – С. 89-90.
14. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису от 23.12.2017г. <http://uza.uz/posts/121467>
15. Козлова Н. Приступить к ликвидации. // Российская газета. 2015.24 марта.
16. Марат Ж.П. План уголовного законодательства. – М. 1951. – С.51.
17. Хейфец И.Я. Подстрекательство к преступлению. – М. 1914.- С. 1-18.
18. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М. 1988. – С. 100.
19. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М. 1949. – С. 110-119;
20. Вышинский А.Я. Речь государственного обвинителя – Прокурора Союза ССР тов. Вышинского А.Я. на процессе антисоветского “право – троцкистского блока”. - М., 1938.-С.59-61.